

© С. М. Шумило (Украина)

БОГОСЛУЖЕБНЫЕ ТЕКСТЫ КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИСТОЧНИК СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПРОПОВЕДИ: ПОУЧЕНИЯ ГРИГОРИЯ ЦАМБЛАКА

Любая средневековая проповедь, в том числе и произведения Григория Цамблака, имеет несколько литературных источников. Прежде всего, это библейские тексты, которые, если идет речь о Господском или Богородичном празднике, задают тему проповеди, кроме того, из Библии сочинитель избирает для цитирования и пересказа большие фрагменты текста или образы и художественные обороты. Он может заимствовать их из проповеди знаменитых ораторов древности, например, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Василия Великого. Если проповедь посвящена памяти того или иного святого, то автор черпает цитаты из жития этого святого. Мы же предлагаем рассмотреть богослужебный текст в качестве возможного литературного источника проповеди как жанра и, в частности, проповеди Григория Цамблака.¹

Заимствования из богослужебных текстов особенно часто встречаются в проповедях и житиях так называемого орнаментального стиля, получившего особое распространение в эпоху позднего средневековья и связанного, по мнению многих ученых, с актуализировавшимся в ту же эпоху учением исихастов.

С точки зрения использования богослужебных произведений в качестве источника интересны и некоторые более ранние сочинения, например, пасхальный цикл проповедей Кирилла Туровского. Киевский проповедник некоторые огласительные слова практически полностью составляет из гимнографических цитат, искусно перемежая их между собой. Так, например, Слово на Пасху, довольно лаконичное по объему, включает в себя более десятка цитат из Пасхального богослужения, вписанных в текст проповеди именно в той очередности, в которой исходные тексты расположены в чинопоследовании Светлого воскресения.² Позднее Епифаний Премудрый, мастер стиля «плетение словес», составлял целые главы агиографических произведений в виде мозаик из богослужебных цитат. Так, в Житии Стефана Пермского есть фрагмент, в котором в восьми строках рукописного текста насчитывается десять цитат из Ирмология, причем взятых исключительно из третьей песни.³

Говоря о заимствовании и цитировании, мы должны понимать условность термина «цитата» применительно к древней литературе. Древнерусский книжник не цитирует какие-либо тексты в прямом смысле слова, за редкими исключениями, которые специально оговаривает, а использует чужой текст как элемент свое-

Светлана Михайловна Шумило — докторант Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, доцент кафедры украинского языка и литературы Черниговского национального педагогического университета им. Т. Г. Шевченко (Украина).

¹ Подробнее о нем см.: *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Л., 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 1. С. 175—180.

² Подробнее см.: *Шумило С. М.* Заповизнення з богослужбових текстів у проповідях Кирилла Туровського (на прикладі проповіді на Великдень) // *Преподобний Нестор Печерський в історії української культури*. Харків, 2014. С. 106—113.

³ Подробнее об этом см.: *Шумило С. М.* Музыкальный подтекст древнерусской агиографии: К постановке проблемы // *Труды отдела древнерусской литературы*. СПб., 2014. Т. 63. С. 29—44.

го — частично приводит его дословно, частично вольно пересказывает, может заменять те или иные слова в нем и вводить амплификацию. Это литературный прием, который обусловлен особенностями средневекового эстетического восприятия и мировоззрения и который слишком давно ушел в прошлое литературы, чтобы иметь возможность обозначаться каким-то современным литературоведческим термином.

Исследуя проблему заимствования, мы заметили такую закономерность: из всех богослужбных книг древнерусские книжники чаще всего выбирают в качестве источника цитат три — Ирмологий, Триодь (в частности, тексты первой и последней недель Великого Поста и Пасхи) и Требник, а именно — службы Отпевания или Панихиды.

Ирмологий, очевидно, становится источником заимствований чаще всего по причине легкости запоминания ирмосов.

Второй наиболее часто цитируемой книгой мы обозначили Триодь, а конкретнее — тексты первой недели Поста и Страстной седмицы. Действительно, триодные богослужения очень отличаются и по содержательности, и по эстетическому оформлению от, скажем, Октоиха или Миней — Триодь намного глубже, поэтичнее и эмоциональнее. Кроме того, именно в Триоди можно найти указания на нарушения привычного цикла дневных богослужений, например, изменения текста Херувимской песни, введение литургии Преждеосвященных даров, Великого повечерия и т. п.⁴ Иными словами, Триодь составлена именно так, чтобы прерывать собой череду привычных богослужений, отличаться от них и на короткий период Поста и Пасхи вырывать молящихся из обиходного круга. Это сделало Триодь одной из наиболее любимых гимнографических книг для авторов и читателей средневековой литературы. Кроме того, именно в службах Страстной седмицы сосредоточено богословие Пасхи: все они рассказывают о величайшем сострадании Творца к людям и призваны вызывать ответное сострадание людей ко Христу. Переживание событий Страстной седмицы, которое возможно именно благодаря системе страстных богослужений, — это своеобразный психологический и духовный центр православного мировосприятия, и, думается, именно поэтому древнерусские авторы чаще всего прибегают к заимствованиям из Страстных песнопений.

Третьим источником мы назвали Требник, вернее, заупокойные богослужения, помещенные в нем. Отпевание и панихида, с одной стороны, ассоциативно, текстологически и музыкально связаны с богослужением Страстной седмицы, потому популярность этого источника может быть истолкована с той же позиции, что и популярность Триоди. С другой стороны, символическая связь смерти любого человека с событием распятия и воскресения особенно ярко должна была проследиваться в произведениях, описывающих смерть праведника, который действительно уподобился Христу, а значит и воскреснет в жизнь вечную.

Итак, литературными источниками многих средневековых произведений чаще всего являются три названные нами книги: Ирмологий, Триодь и Требник. Намного реже литературным источником становится Минея — только в проповедях, посвященных какому-то святому.

Мы рассмотрим на примере проповедей Григория Цамблака случаи обращения к Триоди и Минее.

Григорий Цамблак жил и творил в эпоху позднего средневековья, и стиль его проповедей, несомненно, в какой-то мере отражал особенности стиля эпохи — «плетения словес».⁵ Рассмотрение его сочинений с точки зрения использования богослужбных текстов в качестве литературного источника позволяет сделать неко-

⁴ Никольский К. Т. Пособие к изучению устава богослужения православной церкви. СПб., 1907. С. 419—420.

⁵ Об этом см.: Пелешенко Ю. В. Українська література пізнього середньовіччя (друга половина XIII—XV ст.). Київ, 2012. С. 300.

торые выводы о преемственности и самобытности его манеры письма, а также о том, как именно использовалась гимнография в жанре проповеди.

У Григория Цамблака не удастся найти такого обильного цитирования церковных служб, как, например, у Кирилла Туровского или Епифания Премудрого. Проповеди Цамблака гораздо менее лиричны, чем произведения многих его современников, творивших, по выражению Д. С. Лихачева, в экспрессивно-эмоциональном стиле,⁶ они сдержаннее и логически точнее; проповедник, кажется, стремится более к размышлению над праздником, чем к его воспеванию. Параллельные же с богослужением места в проповедях, как правило, возникают именно в лирических отступлениях, когда автор, как бы прервав на время повествование, увлекается молитвой или просто эмоциональным описанием. Такова закономерность использования заимствований практически у всех проповедников позднего средневековья.

Такова она и у Григория Цамблака. Так, Слово на Великий четверг достигает наивысшего эмоционального напряжения, когда автор восклицает, мысленно обращаясь к Иуде: «Кій ты образ на преданіе подвиже! Еда прочих апостоли нарече, тебе же остави? Еда с ними бесѣдоваше, тебе же отгоняше? Еда тѣм ковчежец вручи, от тебе же утай? Еда с ними ядыше, тебе же презираше? Еда о нѣм ноги омы, тебе же възгнушася? О слѣпоты!»⁷

Сравним со стихирой на утрени Великой пятницы: «Кой ты образ, Иудо, предателя Спасу сътвори! Еда ты от лика апостольска отлучи? Еда дарования исцелением лиши ты? Еда со онѣми вечеряв, тебе же ли от трапезы отрину? Еда онѣм нозѣ омы, и твоя ли презре? О коликих благъ беспамятливъ бывъ!»⁸

И композиция этого отрывка, и его образность, и анафоры, использованные в нем, свидетельствуют о том, что страстная стихира взята за источник, хотя нельзя сказать, что она именно процитирована. Проповедник осваивает чужой текст, развивает его, перерабатывает — и перед нами уже не просто цитирование, а своего рода трансплантация чужого текста в ткань оригинального.

Переключка со службой Великой пятницы возникает еще несколько раз, хотя и в менее явной форме. Так, размышляя о принятии Иудой хлеба на Тайной вечере, Григорий Цамблак пишет: «Ты же, предатель сый, почто руку к хлѣбу простираеш дерзостнѣ, яко да лукавому предаси себе на скорѣ, яко да исполниши псаломское: Ядый хлѣбы моя, возвеличил есть на мя ков (запинания). Сия не услыши, ни помысли несмысленный ученик. Но не исправлен пребысть».⁹

Сравним с кондаком Великого четверга: «Хлѣбъ прием в руцѣ предател, скривенно тыя простирает, и приемлет цѣну Създавашаго Своима рукама чловѣка, / и не исправленъ бысть Иуда рабъ и льстець».¹⁰

Сами же слова «Сия не услыши, ни помысли несмысленный ученик. Но не исправлен пребысть», думается, тоже нужно рассматривать в контексте многократного повторения фразы: «Безаконный же Иуда не восхотѣ разумѣти», — которая является эпифорой третьего антифона на утрени Страстной пятницы: «Лазарева ради востания, Господи, осанна Тебѣ взываху дѣти еврейския, Человеколюбче. Безаконный же Иуда не възхотѣ разумѣти. Иоанну вопросившу: Господи, кто есть предааи Тя. Сего хлѣбом показа...»¹¹

Рефрен «Безаконный же Иуда не восхотѣ разумѣти» повторяется в антифоне шесть раз.

⁶ См.: Лихачев Д. С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 7—56.

⁷ Цамблак Г. Слово в великий четверток на часех // Пелешенко Ю. В. Розвиток української ораторської та агіографічної прози кінця XIV — початку XVI ст. Київ, 1990. С. 119.

⁸ Триодь цветная, рукопись XVI века // РГБ. Собр. Троице-Сергиевой лавры. Ф. 304. Оп. 1. № 399. Л. 55 об.

⁹ Цамблак Г. Слово в великий четверток на часех. С. 120.

¹⁰ Триодь цветная. Л. 44 об. — 45.

¹¹ Там же. Л. 55.

Подобные переключки отдельных коротких фраз — при условии их многократного повторения во время службы, а следовательно, и крепкого запоминания слушателями, — встречаются и во многих других проповедях Григория Цамблака. Особенно много их в Слове на Вербную неделю.

Эта проповедь — пересказ евангельского события, включающий в себя не только толкование, но и комментирование произошедшего с точки зрения выполнения пророчества Захарии. Думается, выбор этого библейского отрывка не случаен: из трех пророческих паремий, предписанных уставом для чтения на утрени, именно пророчество Захарии положено в основание богослужения Вербной недели: в службе, по крайней мере в первой ее половине, т. е. на малой и великой вечерне, постоянно обыгрываются первые фразы этой паремии: «Радуйся зъло, дщи Сионя, проповѣдуй, дщи Иерусалимова, се Царь твой грядет ти, праведенъ и спасаи, кроток, и възсѣд на еремничя и на жребца юна. И погубит оружиа изъ Ефрема, и конь из Ерусалима...»¹²

Особенно часто цитирование пророчества Захарии встречается на вечерне: «Радуйся и веселися, граде Сионъ, красуйся и радуися, церкви Божиа, се бо царь твой грядет въ правдѣ на жребяти съдя...»; «Радуйся, дщи зъло Сионова, проповѣдуй, дщи Ерусалимова, яко се царь твой грядет тебѣ, кротокъ и спасаи, възсѣде на жребяти осли, сына яремничя...»¹³

Обыгрывание этих фраз практически прекращается после чтения самого пророчества на паремиях.

Цамблук, как мы уже сказали, также обращается именно к Захариину пророчеству, хотя вспоминает о нем очень коротко: «Что проповѣдати повелеваеши, проче».¹⁴ И еще однажды: «Сеи бо, о нем же глаголаше пророкъ».¹⁵

Но помимо этих двух явных указаний на пророка, Григорий Цамблук рассылает по проповеди множество неявных — совершенно так же, как это сделано в богослужении. Так, он пишет: «Не бояся, дщи Сионова, се царь твой грядет кто бѣ кротко на жребяти осли...»¹⁶ Встречаются и совсем короткие фразы, которые, как рефрен, повторяются в проповеди, весьма условно связываясь с основным текстом: «Се царь твой грядет тобѣ кроток...», «Се царь твой грядет тобѣ кротокъ и спасаи...»¹⁷ Есть и более пространные цитаты, которые автор использует уже не столько как простой рефрен, а для толкования, но которые также переключаются со службой: «Радуйся зъло, дщи Сионова, проповѣдуй, дщи Иерусалимова...»; «В тобѣ еже погубити оружиа из Ефрема. И конь из Иерусалима...»¹⁸ А через несколько строк встречается повтор — уже без прямой связи с общим ходом мысли, вновь как рефрен: «Проповѣдуй, дщи Иерусалима, проповѣдуй».¹⁹

Иными словами, и в богослужении, и Григорием Цамблаком в качестве основного источника образности используется один и тот же фрагмент пророчества Захарии, а именно тот, что выбран для паремии праздника. Тема исполнения предсказаний, которая таким образом подчеркивается в службе, знаменует собой начало Страстной седмицы — как главного исполнения важнейшего пророчества. Григорий Цамблук как бы следует этому правилу, акцентируя внимание на теме прообразовательности.

После чтения паремий из службы, как мы уже указывали, исчезают заимствования из пророчества Захарии и возникает другой рефрен, взятый из евангельско-

¹² Там же. Л. 14 об.

¹³ Там же. Л. 14 об., 13 об.

¹⁴ Цамблук Г. Слово в неделя вѣрна // Кенанов Д. Озареният Григорий Цамблук. Пловдив; Велико Търново, 2000. С. 128.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 129.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

го рассказа о событии недели Ваий: «Осанна в вышнихъ, благословенъ еси грядый» (Мф. 21: 9). Гимнограф варьирует эти слова по-разному, но все стихиры и большинство тропарей канона заканчиваются этими словами. Всего насчитывается более десятка употреблений этой фразы в службе.

Характерно, что и Цамблак прибегает к тем же стихам, описывая вход Господень в Иерусалим. Можно было бы считать это обычным совпадением или неизбежностью при описании одного и того же события, если бы это не вписывалось в общий контекст заимствований.

В службе Вербной недели можно заметить и некоторые пасхальные интонации, поскольку эта неделя открывает собой последнюю седмицу перед Пасхой. Так, пасхальная тема возникает в каноне. Она едва читается, слушателю нужно было хорошо знать богослужение, чтобы услышать аллюзию, вписанную гимнографом. Так, в последнем тропаре пятой песни читаем: «Сионе Божия гора святая, Иерусалиме, окрестъ очи възведи и виждь собрана чада твоя в тебѣ: се бо приидоша издалеча поклонитися царю твоему...»²⁰ Перед нами явная переключка с одним из тропарей пасхального канона: «Възведи окрестъ очи твои Сионе и виждь: се бо приидоша къ тебѣ яко благосвѣтлаа свѣтила, от Запада, и Севера и моря, и Въстока чада твоя, въ тебѣ благословяще Христа во вѣки».²¹

У Цамблака в проповеди также встречается большой фрагмент, посвященный всеохватности проповеди Христовой: о приходе ко Христу от Запада, и Востока, и Юга, и Севера.²² Правда, рассуждения о Севере он продолжает, развивает и проводит тему Пасхи намного дальше — до темы Вознесения. Так, Цамблак соединяет рассуждения о Севере с пророчеством о ребрах северовых: «Не къ тому ребра северови <...> но градъ Царя великого».²³ Эта цитата из 47 псалма («Ребра северовы, градъ Царя великого» (Пс. 47: 3)) используется в качестве антифона на Вознесение²⁴ и, как антифон, дважды повторяется во время литургии в этот праздник, а соответственно также хорошо запоминается.

В том же фрагменте, рядом с аллюзией на пасхальное и вознесенское богослужение, Григорий Цамблак помещает цитату из пророчества, которая по богослужебному кругу связана с Рождеством: «Восияет бо нам, во тме и сѣни смертнѣи съдящим».²⁵ Эта фраза широко обыгрывается в рождественском богослужении, она же использована в светильне Рождества: «...и сущей во тмѣ и сѣни обрѣтохомъ истинну...»²⁶

Нужно сказать, что указанные фрагменты вводятся Цамблаком в рассуждении о том, с какой стороны и в какую сторону продвигался Иисус, входя в Иерусалим, но, связанные ассоциативно и текстуально с праздниками Рождества, Пасхи и Вознесения, они на уровне подтекста во входе в Иерусалим заставляют видеть весь жизненный путь Христа: от пришествия на землю до вознесения на небо. Думается, такая сложная комбинация коротких богослужебных отрывков введена проповедником неслучайно и призвана обострить восприятие слушателей и заставить их почувствовать всю прообразовательность происходящего в Евангельской истории и на земле вообще.

Еще одна цитата из Псалтири, используемая Григорием Цамблаком, также имеет источником службу на Вербную неделю: «Из уст младенец и ссущих совершил еси хвалу».²⁷

²⁰ Триодъ цветная. Л. 17.

²¹ Там же. Л. 103.

²² См.: Цамблак Г. Слово в неделя вѣрна. С. 128.

²³ Там же.

²⁴ См.: Триодъ цветная. Л. 249.

²⁵ Цамблак Г. Слово в неделя вѣрна. С. 128.

²⁶ Минея служебная, декабрь, конец XV века // РГБ. Собр. Троице-Сергиевой лавры. Ф. 304. Оп. I. № 504. Л. 324.

²⁷ Цамблак Г. Слово в неделя вѣрна. С. 128.

Этот же стих восьмого псалма в службе использован на стиховне. Он также легко узнаваем, поскольку речь идет о первой кафизме, чтение которой предписывается уставом в начале практически каждой вечерни, а потому средневековый читатель легко узнавал строчку из псалма как внутри службы Вербной недели, так и внутри проповеди.

Таким образом, Григорий Цамблак объединил в одной проповеди заимствования из пророчества Захарии, евангельского повествования о входе в Иерусалим, а также небольшие реминисценции из пасхального богослужения, Псалтири, службы на Рождество и Вознесение. Все указанные источники точно совпадают с источниками службы на неделю Ваий, что заставляет думать о преднамеренности таких параллелей, вводимых Цамблаком в текст проповеди.

Цельный богослужбный подтекст характерен только для тех проповедей, которые касаются больших праздников. Для менее значимых праздников или памятей святых предназначались проповеди попроще, не содержащие в себе такого сложного ассоциативного ряда, но, тем не менее, тем или иным образом перекликающиеся с богослужением.

Так, Кирилл Туровский в Слове о расслабленном выбирает в качестве литературного источника всего одну стихирю из службы этого праздника, но именно она является в службе богословски наиболее наполненной, а оттого наиболее акцентированной на общем спокойном фоне богослужения. Определив ее в качестве литературного источника, киевский проповедник практически все произведение выстраивает в виде большой амплификации к ней.

Точно такой прием можно наблюдать у Григория Цамблака в Слове о пророке Илие. Это очень содержательная проповедь, главная цель которой — подробное изложение связанных с пророком ветхозаветных событий, переплетенное с толкованиями тех или иных мест в этой истории. Пересказывая, Григорий явно опирается на паремии службы пророку Илие, поскольку выбранный сюжет следует той очередности и с теми купюрами, которые предприняты в паремиях. Иными словами, проповедник толкует своим слушателям сами паремии, чтобы пояснить читаемое на службе. Что же касается рассуждений автора об описываемых событиях, то несколько раз он отходит от сюжетного повествования, и произведение в некоторой степени уподобляется молитвенным восклицаниям. Наиболее ярко это осуществляется в первой половине текста, когда Цамблак сравнивает Илию с Иоанном Предтечей и затем неоднократно называет пророка вторым Предтечей. Это сравнение и наименование может быть заимствовано из минейной службы Илие. Так, в тропаре пророку читаем: «Иже въ плоти аггелъ, пророком степень, второй Предтеча пришествия Христова, Илия славный...»²⁸

Григорий Цамблак с самого начала проповеди именует Илию Предтечей: «Илия (...) ко второму Его (Христа) пришествию предотеца сохраненъ».²⁹ Затем он развивает эту тему, проводя детальные параллели между Илией и Иоанном: «Илия Ахавовъ обличитель, якоже Иоаннъ Предтеча — Иродовъ, Илия — Иезавелин постребитель, якоже Креститель — Иродиадинъ».³⁰

Далее вся проповедь строится как простой пересказ библейских событий, и только в конце снова возвращается к теме, затронутой в службе.

Канон пророку Илие содержит один удивительный тропарь, который выделяется на фоне других семантической наполненностью и оттого сразу привлекает внимание. Все тропари посвящены тем или иным событиям из жизни пророка или воспеванию его горячей веры, и лишь один — теме прообразовательности: «...и сам

²⁸ Минея служебная, июль, конец XV века // РГБ. Собр. Троице-Сергиевой лавры. Ф. 304. Оп. 1. № 579. Л. 101.

²⁹ Цамблак Г. Слово за св. пророк Илия // Кенанов Д. Озарения Григория Цамблака. С. 131.

³⁰ Там же.

Господь рекль еси: понеже, Илия, человекъ жестокъ еси, съгрешающу Израилю трѣпѣти не можеши, възди ты къ Мнѣ, да Аз долъ сниду».³¹ Здесь гимнограф отступает от библейского повествования, вкладывая в уста Создателя фразу, которая отсутствует в Библии, но заключает в себе важную богословскую идею домостроительства. Тема бесконечного милосердия высказана очень коротко и неявно. Тропарь находится в последней песни канона и логически завершает собой повествование об Илии предсказанием о пришествии Христа.

Тропарь поставлен в конец канона неслучайно: именно девятая песнь традиционно посвящена идее сошествия Христа и домостроительства, ее же диктует и ирмос канона. Как известно, в классической гимнографии тропари канона идейно и композиционно уподобляются соответствующему ирмосу,³² так что развитие богословской темы, возникающее в конце канона, обусловлено логикой службы.

Григорий Цамблак выбирает именно этот фрагмент богослужения и вводит его в проповедь, чем также, вслед за службой, отступает от точного пересказа библейских событий. Он пишет: «Что же по сих глаголетъ къ нему Богъ; елма ты, Илия, человекъ жестокъ еси, и Израилю сокрушаему трѣпѣти не можеши: ниже человекскими страстями преклоняеши ся. И прочее не клочится тебѣ с человекски жити, но възди ты ко Мнѣ, да Азъ къ человекомъ сниду».

Проповедник не удовлетворяется лишь пересказом затронутой в службе темы домостроительства. Звучащая в богослужении коротко и неявно, у Григория Цамблака она разворачивается в довольно большое толкование о милости Божией, вложенное опять же в уста самого Творца: «...измена будетъ посреде насъ, да въздеть человекъ и да снидеть Богъ. Азъ бо не Израиля ради единого, но и всехъ языкъ неправды и беззакония зря, и долготерпя, краиния ради благости, понеже человеколюбець Азъ, и грехи ихъ понесу, кроме греха, темъ уподобися... Возди ты съ плотию, да Азъ сниду взяти плоть, безплотныи, и възди ты на колесницѣ огненѣи ко Мнѣ, да Азъ къ тебѣ сниду, яко на руно дождь, ты яко в трусь на небо, Азъ же яко в тишинѣ на землю...»³³ и проч. Далее следует большой лирический период, в котором продолжается сопоставление двух событий: взятия на небо Илии и нисшествия на землю Христа, причем второе описывается со строго евангельской точки зрения, уже не прообразовательно, а открыто — с названием имен апостолов, с проповедью о сошествии Духа в Пятидесятницу и т. д.

Таким образом, Григорий Цамблак не просто пересказывает в проповеди паремии и толкует их, но, опираясь на текст службы, выбирает из него две основные темы, самые яркие в службе и богословски наиболее значимые: параллель между Илией и Иоанном Предтечей, связанную с идеей Илии как второго Предтечи, и сопоставление двух событий — взятия Илии на небо и воплощение сына Божия. Это сопоставление становится кульминационным и завершающим в проповеди, именно оно является ядром всего произведения. Предпринимая такой литературный ход, Григорий Цамблак поступает точно так же, как в свое время Кирилл Туровский в Слове о расслабленном: взяв один из наиболее содержательных гимнов соответствующей службы, который мог бы пройти незамеченным для молящихся, использует его в проповеди и раскрывает его смысл, вводя многочисленные амплификации и рассуждения на эту тему.

Отмечая определенный параллелизм в том, как проповедники используют текст богослужения в своих произведениях, мы должны признать, что перед нами определенный художественный метод, сознательно используемый разными проповедниками различных периодов средневековья, который пока не имеет названия. Заимствования из гимнографии в проповеднических произведениях можно услов-

³¹ Миняя служебная, июль, XVI век // РГБ. Собр. Троице-Сергиевой лавры. Ф. 304. Оп. 1. № 580. С. 203.

³² См.: Скабалланович М. Н. Толковый типикон. С. 674—675.

³³ Цамблак Г. Слово за св. пророк Илия. С. 140.

но разделить на два вида. Первый — это заимствования, украшающие текст; в этом случае автор использует образность богослужебного текста, обильно цитирует его, превращая определенные фразы из богослужения в своеобразные рефрены своей проповеди, мозаически переплетая небольшие гимнографические цитаты, ассоциативно соотнося тот или иной фрагмент проповеди с определенным церковным праздником и, соответственно, с каким-то событием библейской истории. Второй — это заимствования, используемые для раскрытия той или иной богословской идеи.

Итак, проследив различные обращения к богослужебным текстам в проповедях Григория Цамблака, мы можем утверждать, во-первых, что он наследует проповедникам, писавшим в орнаментальном стиле, и использует богослужебные тексты в качестве литературных источников. Во-вторых, он пишет намного более логически структурированные и менее лиричные произведения, чем его современники, творившие в экспрессивно-эмоциональном стиле, но лирические отступления Цамблака так же зависят от гимнографической образности и художественности, как и у Епифания Премудрого, Пахомия Логофета и других. В-третьих, существовал определенный художественный метод использования гимнографических текстов в оригинальных произведениях средневековых авторов, который заключался, с одной стороны, в заимствовании художественных приемов, синтаксиса и образности гимнографии, а с другой — в раскрытии наиболее содержательных гимнов в проповеди, интерпретации богословских идей, содержащихся в богослужении.

© Н. Д. Кочеткова

ЗАГАДОЧНОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ В. К. ТРЕДИАКОВСКОГО А. П. СУМАРОКОВУ*

Трагедия «Деидамия», написанная Тредиаковским в 1750 году, была напечатана спустя двадцать пять лет, уже после смерти автора в 1775 году с удивительным посвящением: «Его превосходительству господину статскому действительному советнику, ордена святыя Анны кавалеру и Лейпцигского ученого собрания члену Александру Петровичу Сумарокову сия трагедия, по завещанию сочинителя, в знак вечныя памяти, посвящается».¹

Это посвящение до сих пор остается загадочным. Благодаря исследованиям, начатым П. Н. Берковым и продолженным другими учеными,² хорошо изучена ожесточенная литературная полемика, в которой принимали участие крупнейшие писатели середины столетия, включая Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова. Poleмика, доходившая до откровенной брани, оставалась в рукописном виде. К тому, что шло в печать, а тем более к посвящению, было совершенно иное отношение. Тредиаковский любил сопровождать свои книги посвящениями, но все они были в соответствии с обычаями того времени адресованы или государыне, или

Наталья Дмитриевна Кочеткова — главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ): проект № 16-01-000012.

¹ Тредиаковский В. К. Деидамия. М., 1775. С. 3 нenum.

² Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1765. М.; Л., 1936; Серман И. З. Из литературной полемики 1753 года // Русская литература. 1964. № 1. С. 99—104; Гринберг М. С., Успенский Б. А. Литературная война Тредиаковского и Сумарокова в 1740-е — начале 1750-х годов. М., 2001.